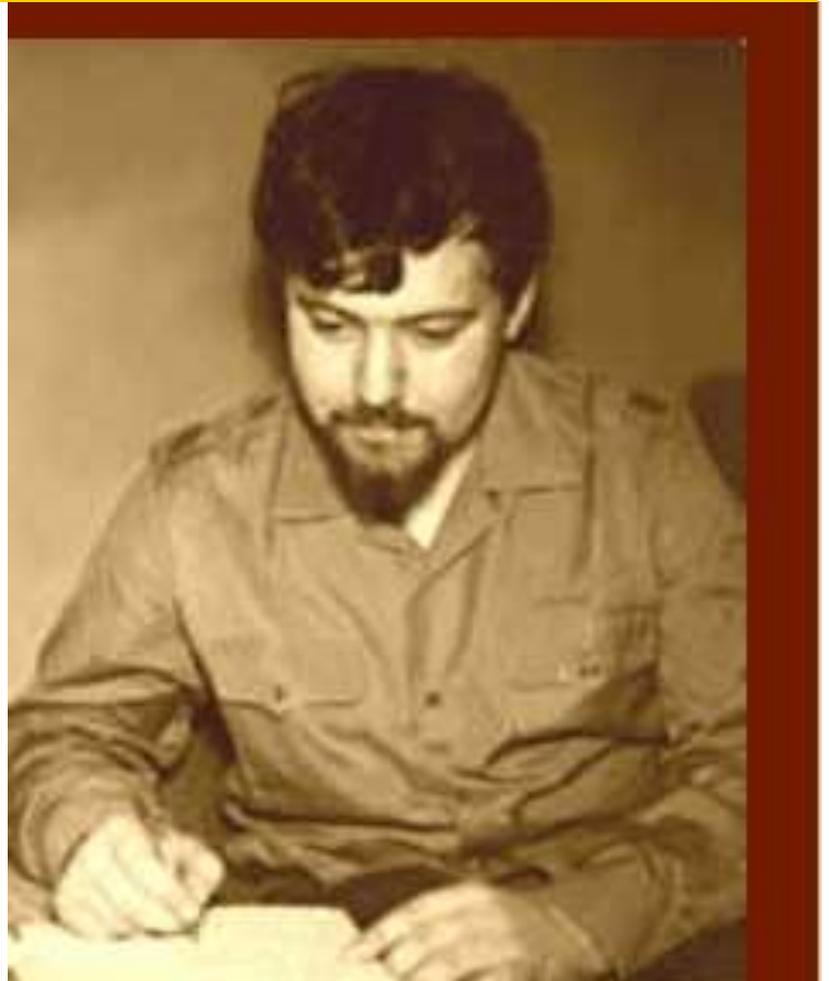

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Часть 1

Леонид Киселёв

Составитель МУЧНИК ЭТЯ БОРИСОВНА

ПОЭТЫ умирают
в небесах...

Поэты умирают в небесах...

Леонид Владимирович Киселёв (21 сентября 1946, Киев — 19 октября 1968, Киев) — русский и украинский поэт.

Леонид Киселёв родился в 1946 году в Киеве. Писать стихи Леонид начал в 11 лет.

Киевлянин по рождению и воспитанию, он вырос в интеллигентной семье — дом его отца — писателя Владимира Киселева — был в 50–60-е годы одним из центров интеллектуальной жизни Киева. В доме, где он рос, знали цену слову, и люди, приходившие сюда (а среди них — Виктор Некрасов, Иван Драч, Гелий Снегирев), учили тому, что синонимом сказанному слову бывает сама жизнь. Отсюда его ранняя эрудиция и свободная ориентация в мировой литературе и мировой культуре.

Биографии у него не было. Учился в школе, поступил на филологический факультет университета, не успев его окончить, умер в 22 года от лейкоза, в то время неизлечимого. Ещё будучи школьником, опубликовал подборку стихов в «Новом мире» (1963, № 3).

Все произведения самого автора напечатаны либо на русском, либо на украинском языке. Собственно, на том, на котором написаны. Сам Лёня тоже все годы, а в особенности последние, писал вперемежку то по-русски, то по-украински, — радуется, что произведения его одинаково талантливо на обоих языках, а само двуязычие представляется очень органическим для его мировосприятия и его поэтической души.

Леонид Киселев. Стихи на русском языке

Вы любите чужие города?
Внезапность поворотов и подъемов,
И там, где полагалось быть Подолу,
Морские волны, синяя вода.

Мне города являются во сне,
Похожие на маленький мой Киев,
И все таки немного не такие.
В них что-то есть. Они созвучны мне.

Я тоже снюсь кому-то по ночам
В далеком царстве сосен и метелей,
Добрей и чище, чем на самом деле.
Пусть много городов приснится вам.

1965

* * *

Словно Отечество, или отчество,
Или легкий утренний сон,
Я храню свое одиночество,
Мой единственный бастион.

В этом мире легко и прибыльно
Раздарить себя по частям,
Чтоб доверчиво белки прыгали
На колени моим гостям.

1965

Старая площадь

Полет веков. А, может быть, потоп,
Лавины дней, мгновений водопады?
И ратуши квадратная громада
Под их удары подставляет лоб.

Полет веков. А, может быть, пожар,
И звон мечей, и зарево и ржанье?
И по ночам не спится горожанам,
И площадь охраняют сторожа.
Полет веков. А, может быть, полет,
Высокий дух погони за грядущим?
В колонне первомайской он созвучен
Весенним дням и флагами цветет.

На площади изломанная тень
Деревьев, на рассвете невесомых,
И дети спят — да будет легким сон их!
И бьют часы — да будет новый день!

1966

Как моя вселенная мала!
В десяти шагах стена тумана.
И тревога в сердце, словно рана,
И в ушах звенят колокола.

Это осень. Ранняя пора,
Но уже подсчитаны приметы:

По этапу в ссылку гонит ветер
Вместе с паутиной паука.

Лужицы в прозрачном серебре,
Словно в запечатанном конверте.
Маленький эскиз. набросок смерти —
Пасмурное утро в сентябре.

1967

В горнице прибрала, тесто замесила.
Приходи, Мессия.
Самовар начищен, полыхает медью,
Почему ты медлишь?
Спят мои подруги в той далекой дали,
Уж они-то ждали!
На войне погибли оба мои сына,
Приходи, Мессия.

1967

Язык не может сразу умереть,
Скоропостижно люди умирают,
Но медленно озера высыхают,
И тихо высыхают русла рек.

Язык заброшен, но ни днесь, ни впредь
Своей вины ничем не искупить нам.
В ночной тиши за горло схватит бред,
И днем самих себя нам будет стыдно.

Он бьется перепелкою в сетях,
Расставленных вечернею газетой,
И вспыхивает пламенем в стихах
Тычины — гениального поэта.

Язык не может сразу умереть.

1967

Жизнь и смерть Дульсинеи Тобосской

В забытом богом и людьми селенье,
Где умирали в основном от скуки,
И умирающих цирюльник местный
Кровопусканьем к жизни возвращал,

Единственным служили развлечением
Ходившие о Дульсинее слухи.
Мамаши глупым дочерям-невестам
Внушали, от волненья трепеща:
Она когда-то спуталась с Кеханой
И без церковного на то благословенья...
Сначала дочки глазки потупляли,
Потом алели, словно маков цвет.
Все сверстники ее давно женаты,
Но ей не отыскать в родном селенье
Вовеки мужа. Жизнь ее печальна,
И после смерти ей в аду гореть.

Зимою Дульсиня простудилась
И умерла. Священник деревенский
Примчался причащать ее, надеясь
Пикантные подробности узнать,
Но опоздал и брел назад уныло,
О резком ветре отзываясь резко.
А впрочем, много женщин, вдов и девиц
Участье приняли в похоронах.

1967

На деревенском кладбищем кресты —
Граненые дубовые поленья.
Глубокие, похожие на шрамы,
Кривые буквы скупо сообщают:
Иван, Петро, Христина, Евдокия.
Стоят две даты по краям креста.
И все кибернетические коды,
Громоздкие расчеты траекторий
Для бомб и баллистических ракет
Поместятся в коротком промежутке
Меж этих двух четырехзначных чисел.
Я пробую представить эту смерть —
В углу, под образами, а сорочка
Бела, как сахар, и чиста, как смерть.
И все село приходит хоронить,
И все село приходит помянуть
Стаканом самогона. Я припомнил
Особый терпкий привкус самогона
И понял я, что это — привкус горя,
Неповторимый аромат беды.

1967

Игра в слова — нелегкая игра.
Здесь правила таинственны и строги.
Лишь поначалу кажется, что строки
Соскальзывают с кончика пера.

Мы так спешили в этот шумный цех
Где вечный праздник, вечное веселье.
Теперь у нас не комнаты, а кельи
И горький хлеб у нас, и горький смех.

1967

Что-то стал я выпадать
Из игры по вашим правилам.
Не лгала и не лукавила,
И тотчас дала понять:
Дескать, начал выпадать
Из игры по нашим правилам.

Не пойму я ваших дел:
Все вы пишете и строитесь,
И все время беспокоитесь,
Будто есть такой предел,
Что успеешь — схватишь втрое здесь,
Не успеешь — прогорел.

Ну, спасибо за хлеб-соль
И покамест до свидания.
Может, свидимся. Заранее
Кто предскажет нашу роль —
Всхлип трехрядного страдания
Или брамсовская боль.

Мне вас не за что любить.
Огляделся я — и вдруг
Вижу — нету основания.
Пятый круг соревнования
И девятый Дантов круг.
Пеленает синий бред
Синий стон и белых страх,
Белый ужас! — потолок еще,
Небо — белое полотнище
На заборах и домах.

1968

Суматоха смены декораций,

У дождей октябрьских суета.
Это листья. Как они ложатся —
Брызги краски в плоскости холста.
Это птицы. Как они боятся
Покидать знакомые места.
Это листья — как они кружатся!
Мне на грудь упало два листа.

1968

Октябрь

И вовсе не от холода продрог я,
И не от ветра на щеке слеза,
А потому, что с неба смотрят строго
Холодные глубокие глаза.

1968

Стихи Леонида Киселева из старых тетрадок

Падают снежинки в грязь.
Гибнут в ней повально.
Но у каждой есть своя
Индивидуальность.

1959

Солнце

Ну что ж, так исстари ведется -
Бывают пятна и на солнце.
Конечно, это не приятно,
Но солнце, солнце даже в пятнах.

1960

Все изменчиво! Все в движении!
Волны в дикий пустились пляс,
И без всякого сожаления
Море вгрызлось в песчаный пляж.

Унесло бревно, что полгода
Пролежало на берегу.
Ребятишки заходят в воду
И назад от волны бегут.

Все изменчиво, но не обманчиво,
А скорее - обнажено.
Вот отхлынет вода, и мальчики
Снова видят морское дно.

1960

Слепому помогли войти в троллейбус.
— Скажите мне, пожалуйста, кондуктор...
(О чем он спросит — сколько остановок
До выставки?)... Сегодня солнце есть?

— Нет, солнца нет, — ему сказали хором, —
С утра туман, и посмотрели в окна,
Как будто были в этом виноваты.
Но он спокойно принял эту весть.

— Ну что ж, весна бывала и позднее.
Вот до войны — тогда еще я видел —
Во время первомайского парада
Снег выпал. Да, в году тридцать шестом.

Но солнце будет, очень скоро будет! —
И он был прав, а впрочем, все мы знали,
Что солнце будет, непременно будет.
Уже никто не сомневался в том.

1960

Я слышал, будто скульпторы Эллады
Из мрамора коринфского скульптуры
Раскрашивали краской минеральной,
Зеленой, красной, и довольно грубо.
Но время стерло краску. И скульптуры
Нам чистыми и белыми достались.
А, может быть, они в окраске грубой
Верней? О Бельведерский Аполлон,
Раскрашенный, как тульская матрешка!

1960

Не поможет ни сила, ни меткость,
Ни уменье, ни твердость руки.
У дантесов тяжелые веки,
И у них под глазами мешки.

Знать, поэтам ни шпага стальная,
Ни винтовка, ни острый кинжал
Не нужны, если их убивают
За стихи, что разят наповал.

1962

Скользанки

Улицы розданы
Детям, словно клад.
тянутся скользанки
От угла до угла.

Детям кататься не надоест,
А взрослые боятся
Скользких мест.

— Не пришлось бы каяться...
асфальт шершав —
К асфальту тянется
Их душа.

А может, доверимся
Гладкости льда?
Давайте проедемся!
— Проедемся?
— Да!

Только и сегодня
Учитель мой
Скользанки обходит
Стороной.

1964

Рылеев

Торопятся поэты и цари.
Для них малы отпущенные годы.
К поэтам ясность строчки и свобода
Приходят поздно, что ни говори.

И у царей достаточно забот —
Держава не прочней, чем столбик ртутный.
Повесить всех врагов ужасно трудно,
Вдруг кто-нибудь остался, вдруг живет.

Но умирают в юности поэты
И в очень древнем возрасте цари.
И остается песня недопетой,
И корчатся на плахе бунтари.

1965

Будь проклята услужливая память,
Которая подсовывает нам
Совсем ненужные воспоминанья!
Бывает,
собеседник зажурчит,
И сладко слушать этот тихий рокот,
Выхватывать отдельные слова,
Лепить из них, как дети из песка,
Пирожные и крепости.
И вдруг
Сожмется сердце, и тупая боль
Пронзит насквозь, и жалобно бормочешь:
"Она любила эту поговорку".
Зачем нам суждено переживать
Свою любовь? Обедать и смеяться,
И радоваться новому пальто,
Ходить в кино и жить под вечным страхом,
Что прошлое напомнит о себе.
Днепровским садом, строчкою из Блока,
Письмом забытым, прядкою волос.
И все, что было позже, станет мелким,
Нелепым и ненужным.
Я сегодня
Перебирал бумаги на столе,
Нашел твою записку.

1965

Все по годам: восторженность,
Потом трезвый расчет.
Вложена осторожность
В глубокие складки щек.

Потом простота и строгость —
Уже ни к чему игра,
А после идет жестокость —
Последняя наша грань.
Бессильная и тупая,
Как ломота в висках.
Жестокость наступает —
Значит, и смерть близка.

1965

Офелия, девочка, что ты, не надо.
Твой обморок слишком глубок.
Давай погуляем по тихому саду,
Сплети мне осенний венок.

По ивовым веткам стекают минуты
И счет свой ревниво таят.
И в ярость воды безвозвратно и круто
Уходит тропинка твоя.

Любовь безнадежна, и жизнь невозможна,
И рушатся своды миров!
И волны речные несут осторожно
Венок из осенних цветов.

1966

Пусть рухнувшее дерево задавит
Пигмеев, копошащихся под ним.
Пусть их дурацкие мечты о славе
Развеются, как дым.

Пусть ощутят, ка жизнь из пальцев цепких
Уходит, медленно скользя.
Пусть острые концы летящих щепок
Вонзятся им в глаза.

1967

Поэту невозможно умереть
В больнице или дома на постели.
И даже на Кавказе, на дуэли,
Поэту невозможно умереть.

Поэту невозможно умереть
В концлагере, в тюремном гулком страхе,
И даже в липких судорогах плахи
Поэту невозможно умереть.

Поэты умирают в небесах.
высокая их плоть не знает тленья.
Звездой падучей, огненным знаменьем
Поэты умирают в небесах.

Поэты умирают в небесах.
И я шепчу разбитыми губами:
"Не верьте слухам, жил в помойной яме,
А умер, как поэты, в небесах"

1968

Стати б хоч на менти лічені
Характерником мені —
Подарую кожній дівчині
Лицаря на коні.

А тоді ще дати мусив би,
Щоб раділи всі живі
Козаченька чорновусого
Кожній жінці-удові.

Дідові — дзвінкого песика,
Щоб не жив на самоті,
Ще й Івасика-Телесика
Кожній бабі-сироті.

А як хто немає віри вже
Ні в кохання, ні в слова,
Я йому сопілку виріжу,
Най журную заспіва.

Шкода Москви. Вже наче відійшов
Від сподівань і пристрастей Арбату
І паху бурштинової гербати
У мареві тих марень, тих розмов.

Додому час. До міста всіх кохань.
Де тополеві вранішні тумани,
Де сірий тулуб вершника Богдана
На золотому тлі софійських бань.

Літак аж ніби крилами здригнув,
Натруджений двигун тамує стогін.
Невже мені лишиться тільки спомин
Від тих беріз у весну крижану?

Зелені леза юної трави
Очистять душу, стешать білу льолю,
І не відчую ні жалю, ні болю,
А тільки так, смутне: шкода Москви.

1959

* * *

Деревья не платят за платья.
Деревья платьями платят
Ветру, чтоб дул потише,
Ливням, дворникам, крышам.

Радость

Я хорошо себя веду
По улице Артема,
У всех прохожих на виду
Иду довольно ровно.

Чуть-чуть кружится голова,
И на ветру мне жарко,

Но я же не поцеловал
Немецкую овчарку!

И не обнял я старый дуб,
Лишь поклонился скромно.
Я хорошо себя веду
По улице Артема.

* * *

Солнце больше не дарит обновой,
День уходит сер и незаметен.
С голых веток носики кленовые
Нюхают холодный мокрый ветер.

1960

* * *

Дождик серенький и маленький,
Дождик маленький и робкий,
Дождик робкий на завалинку
Прыгнет тихо и неловко.
И зацокает, зацокает,
Убегающий куда-то.
Лишь травинка невысокая
Вслед посмотрит виновато.

* * *

Молишься и веришь. Даль туманна.
Двери шепчут: пуркуа?
Донна Анна, знаешь, донна Анна —
Милый парень дон Гуан.

... Стук. Шаги. Гуан, ты страхом скован.
Выдают тебя глаза твои.
... перед командором трехметровым
Тоненькая женщина стоит.

Сонет

Одну звезду на небе видел он,
Считая остальные звезды фоном.
Зимою сквозь замерзшее стекло
Была видна лучей ее корона.

Зима кончалась. В марте начался
Побег ручьев, петлявших словно нити.
Но летом он корону эту видел
Сквозь слезы, застилавшие глаза.

Промчалась жизнь, как предрассветный сон.
Как это странно — быть всю жизнь влюбленным
И жить одною мыслью день за днем!

И это не сонет — скорее стон.
Считая остальные звезды фоном,
Одну звезду на небе видел он.

* * *

Очень трудно быть поэтом.
Описали зиму, лето,
Как ручьи бегут весною,
Как в раздумьях сердце ноет,
Розы, грозы и морозы,
И грядущие прогнозы,
И мелькнувшие вдруг мысли,
Словом, все не перечислишь.
Все источники созвучья
И похуже, и получше.
Новых рифм в помине нету.
Очень трудно быть поэтом.

* * *

Сколько раз мы сбрасывали шубы,
А потом натягивали вновь.
Сколько раз от ветра, чьих-то шуток,
Чьих-то песен веяло весной.

Но метель взъерошенною птицей
Плакала и билась о стекло.
Робкая весенняя водица
Превращалась в скользкий черный лед.

Солнце растопило наши страхи,
Ветки вербы вызвали восторг,
Но старик по-прежнему в папаше
И в тяжелом, на меху, пальто.

Может быть, великолепье мая
О зиме забыть заставит нас.
А сейчас апрель, и вот такая
Трудная и горькая весна.

* * *

Город сонный-сонный, только видно
Полосы широкие пижам,
Да в колясках возят инвалидов
Набережной тихой по утрам.

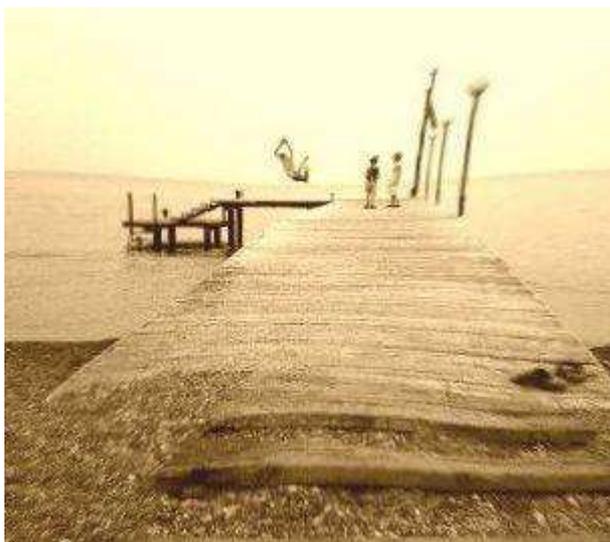
Море тоже сонно. Робко лижет
Берег невысокою волной.
Кажется, что небо стало ниже
И прессует надоевший зной.

Море, заиграй! Их сон разбей ты,
Тихий пляж волнами искусай!

Над спокойным морем плачет флейта,
Над спокойным морем паруса.

Паруса. Фрегат... Но это что же?
Над фрегатом флаг затрепетал,
В небе черный флаг. Веселый Роджер?
Может быть, сейчас раздастся залп?
Я пойду и попрошусь к ним юнгой.
Увезет меня с собой фрегат.
Там из чаши, пущенной по кругу,
Буду я ямайский ром хлебать.

Черный флаг, как черный ворон, реет...
Тише, ну к чему такой задор?
К пристани идя, берет левее
Катер для прогулок «Лабрадор».

1961

* * *

Осенний вечер. Я выключил свет.
Сажу и гляжу в окно.
Чужие окна глядят мне в лицо
Тысячью влажных глаз.

Они говорят: — Мы пришли домой,
Уютно нам и тепло.
А ты? Возможно, там в темноте
Ты острое что-то куешь?

Нет, просто, знаете, я поэт.
И я люблю темноту.
Скажите, вы позволите мне
О вас написать стихи?

Балкон

На балконе веревки, как снасти на судне,
И асфальт словно море окрест.
Я возьму простыню и на ней нарисую
Синей синькой Андреевский крест.
Как носильщики, ветры услужливо хлынут,
Паруса затрепещут легко.
К удивленью хозяек, спешащих на рынок,
Задрожит и помчится балкон.

* * *

Ночью метлой с алюминиевой ручкой
Дворник улицу чистит.
Кажется, будто бы лунный лучик
Мягкий и серебристый, —

Чтоб дубинкою не ворочать, —
Взял себе дворник старый.
А может, лучами лунными ночью
И впрямь метут тротуары.
Скорость

Здесь слабо верится в мощь науки.
У серых ворот, перед клумбою пестрою,
Бессильно бросив вдоль тела руки,
Лежат больные, туберкулезные.

Трамвай-малютка за их забором,
Как бойкий песик, вприпрыжку катится.
Но им его небольшая скорость
Невероятной, наверное, кажется.

А люди едут на пляж в трамвае,
Они не скоро домой заявятся...
...Спокойно все это наблюдают,
Лежат. Ни злости в глазах, ни зависти.

* * *

Этой ночью умер Сталин.
Восемь лет назад.
Рано утром люди встали —
Флаги с лентами висят.

Этой ночью в знак печали
Рано на заре
Управдомы прикрепляли
К флагам черный креп.

...В серой мартовской кадрили
Снега и дождя
Управдомы хоронили
Своего вождя.

1962

Цари

Еще мальчишкой удивлялся дико:
Раз все цари плохие, почему
Царя Петра зовут Петром Великим
И в Ленинграде памятник ему?

Зачем он нам, державный этот конник?
Взорвать бы, чтоб копыта в небеса!
Шевченко, говорят, односторонне
Отнесся... Нет, он правильно писал:

Це то первий, що розпинав
Нашу Україну...

Не Петр, а те голодные, босые
В болоте основали Петроград.
За долгую историю России —
Ни одного хорошего царя.

Из цикла «В больнице»

V

Вы ужасно хороший, Женька,

И все таки немного смешной.
Вы готовы в любую стенку
Биться собственной головой.

Я боюсь, что жизнь постепенно
Выпьет ваш оптимизм до дна.
Вы проснетесь, а всюду стены.
Ты один, а вокруг стена...

Вы не правы, нет, вы не правы.
Я с друзьями, я не один.
Не стена, не кирпич ржавый,
А простор у нас впереди.

Над полями встает солнце,
Птицы поют для нас.
Если где-нибудь попадетсЯ
Впереди на пути стена —
Головой, плечом, кулаками,
Но разбить ее!
Вдрызг!
Навек!
Он на миг перевел глаза на
Повязку на моей голове.

VI

Чуткие сослуживцы
Ему принесли цветы.
Он весь вечер бился как птица,
И его не смогли спасти.
Схватил рукой одеяло,
Другой — подушку обнял...
А цветы простояли

В графине еще три дня.
Дочь. Слиплись ресницы,
У лба сухой кулачок.
У меня хранится
Из букета его цветок.

* * *

Зимним вечером, летним вечером
Если делалось тошно мне,
Каждый раз повторял доверчиво:
Утро вечера мудреней.

Все узлы распутывал утром я,
Все казалось простым с утра.
Но опять приходили мудрые
Одинокие вечера.

Слишком много за день изведано,
Эта мудрость была горька.

Почему же мы за советами
Обращаемся к старикам?

* * *

Что остается в старости?
Горький дым папирос,
Ощущенье усталости
Да седеющий пес,
Если прежде, до старости,
Ты щенка себе взял.
Из богатства останется
Драгоценный металл.
Вот молчание — золото,
В серебре голова.
Мне нужна моя молодость,
На металл наплевать.

* * *

Автобус — как пирог на скатерти,
Ему ль грузовиков в соседи!
И мальчик предлагает матери:
Давай на августе поедем.

А день по-августовски радостный,
И солнце светит, что есть мочи.
Ну что ж, поехали на августе
В сентябрь, в октябрь — куда захочешь.

* * *

Я воспитывался в очередях
За сахаром и за маслом.
Помню все дворы, где тогда
Простаивал час за часом.
Не хватало мне — я молчал,
Успехом ужасно горд был.
Пятилетний, я получал,
Как мама, взрослую норму.
Полдвора — трехчасовой путь,
Я помнил, что я мужчина.

И это выстаиванье отнюдь
Меня не ожесточило.
Очень долго умею ждать,
Даже в беде веселый.
Я воспитывался в очередях
И доволен своею школой.

* * *

В мире рифм, на улице любой
Жизнь удивительно хороша.
Слово «боль» рифмуется со словом «мозоль»
И не рифмуется со словом «душа».

Могут возразить, что по улицам
Там не бродят влюбленные пары —
Слово «девушка» черт его с чем рифмуется
И не рифмуется со словом «парень».

Пары бродят. И до рассвета
«Любовь» рифмуют со словом «правда».
И в этом странном мире поэты
Считаются главней космонавтов.

1963

Над морем

У комаров нелетная погода,
А нам совсем неплохо под дождем.
Неподалеку здесь аэродром,
И непривычно нам, что с небосвода
Пропеллеров не долетает гром
И рев турбин — нелетная погода.

Но дождь утих. Теплятся в небе звезды,
Внизу на берегу зажглись костры.
Не выпускают самолеты в воздух,

Зато всюду летают комары.

* * *

А людям нужно жить у моря,
И нужно долго жить, пока
Вода соленая не смоет
Наносы глины и песка.

Потом приходит пониманье
Простых, казалось бы, вещей
И мысль о том, что слишком мало
Осталось на земле морей.

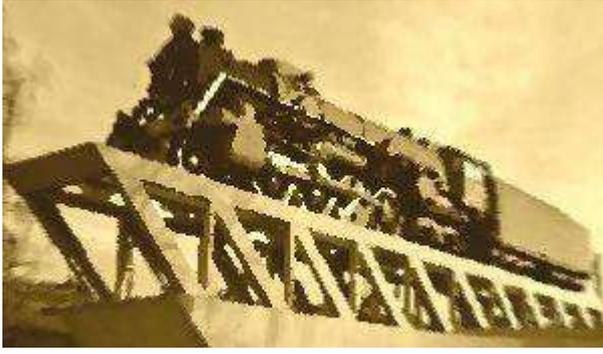
* * *

Слова меняются, словно флаги,
Словно портреты премьер-министров.
Говорят не «рабочие», а «работяги».
И в этом свой смысл.

Рабочий — это который с плаката,
Который одет, обут и сыт.
Рабочий — он в шестьдесят пятом
Носит сталинские усы.

И дает право любому кретину
Прервать на мгновение свой маршрут
И сказать: «Уберите эту картину!
Ее рабочие не поймут».

А работяги — те проще,
Нет в них романтики никакой.
По вечерам сквозь поля и рощи
Они в электричках едут домой.

В теплом вагоне многие дремлют,
Многие режутся в «дурака».
А, впрочем, конечно, страны и земли
В их мускулистых крепких руках.

И свои радости имеют люди:
Выпить сто грамм, колбасою заесть.
Но вот интересно, а что будет,
Когда им все это надоест?

* * *

Удивительно длинный ливень,
Который всех уже разозлил.
У деревьев мокрые гривы,
А на Днепре весенний разлив.

И за мостом пешеходным сразу
Вместо асфальта течет река.
С проводов телефонных наземь
Не успевают капли стекать.

Это, наверное, так и надо —
Простор, сжимающий, как тиски,
Вместо буфета и биллиардной —
Чистая синева реки.

Шаг — и ты покидаешь несмело
Асфальтированную твердь.

Наши рубашки прилипли к телу,
Каждому ближе своя теперь.

Сорок первый

Как в кино: идем, а перед нами
Пыльная дорога вьется вдаль.
Разница лишь в том, что под ногами
Не пески, а киевский асфальт.

Солнце жжет с утра. Дойти бы только!
Руки шелушатся и саднят.
У нее лишь заняты винтовкой,
Связаны веревкой — у меня.

А дорога круче и труднее.
Позади идет моя судьба.
Вот и любит, вроде, и жалеет,
Даже вытирает пот со лба.

Все равно щелчок, и выстрел нервный
Молодое утро рассечет.
Только я уже не сорок первый,
У судьбы куда длиннее счет.

В. Некрасову

Подол — плохое место для собак.
Плевать трамваям на собачьи лапы.
У них дорога, пассажиры. График.
Они неотвратимы, как судьба.

Дождливые подольские дворы,
Изысканные завтраки помоек,
И кажется — от моря и до моря
Дожди, дворы, помойки и пиры.

А вечером огромная луна.
И так все время — бегай и надейся,
Что, может быть, останется на рельсах
Не голова, а лапа...

Борису Гопнику

Я из кошачьей пасти вытащил
Трепещущего воробья.
Та кошка до сих пор лежит еще
И думает, что сволочь я.
Что с хлюпиком и филантропиком
Ужасно жить в семье одной.
И только одобренье Гопника
Вернет душе моей покой.

* * *

Сегодня волны бьют о камни пляжа
И на мысу маяк ревет.
Я отплыву от берега подальше
И поиграю в старый пароход.

Капитан азартно матерится,
Дребезжат машины — им конец.
И четыре черных моториста,
Как четыре тени на стене.

Что-то чинят, что-то поправляют,
Но ничем помочь уже нельзя.
И волна соленая, шальная
Заливает серые глаза.

Ох и разыгралось сине море,
Хоть к утру бы стих проклятый шторм.
Быстро, без речей и церемоний,
Люди попрощались с кораблем.

Сели в шлюпки. Капитан по долгу
Делает последним этот шаг.

Я плыву назад и долго
Отдыхаю на мостках.

* * *

Расковали Прометея,
Дали хлеба и вина.
К Прометею возвратилась
Старая жена.
— Я жила у винодела,
С гончаром жила,
Ну а в том, что так случилось,
Не моя вина.
Не кори меня.

Дни разматывались нитью.
Слушал сказки стариков
О царях и о героях,
О делах богов.
Он узнал, что бог Юпитер
Людям дал огонь.
И жилось ему на свете
Хорошо, легко.

Только печень пошаливала...

* * *

Сегодня новый год, и завтра тоже,
И послезавтра будет новый год.
И все же не удастся подытожить

Недели дел, раздумий и забот.

Ну что я делал год назад? — Не знаю,
Не знаю, что успел за этот год.
И снова мчится пестрый хоровод —
Несутся дни, друг друга догоняя.

И вдруг потом, красивой зимней ночью,
Когда снежинки бьются о стекло,
Хватаешь календарь, а тот бормочет:
Декабрь, тридцать первое число.

* * *

Я позабуду все обиды,
И вдруг напомнят песню мне
На милом и полузабытом,
На украинском языке.

И в комнате, где, как батоны,
Чужие лица без конца,
Взорвутся черные бутоны —
Окаменевшие сердца.

Я постою у края бездны
И вдруг пойму, сломясь в тоске,
Что все на свете — только песня
На украинском языке.

* * *

Из сада в дом попадают кузнечики
И долго прыгают по паркету.
Потом они засыпают — вечером —
Часть под шкафом, часть под буфетом.

И девочка утром, часов в одиннадцать,
Несет их в сад в кармане передника.

Одному удастся вырваться,
Она его долго ловит в передней.

В саду взволнованно и бессвязно
Друзьям и родственникам кузнечики
О длинноногой богине рассказывают,
А те улыбаются недоверчиво.

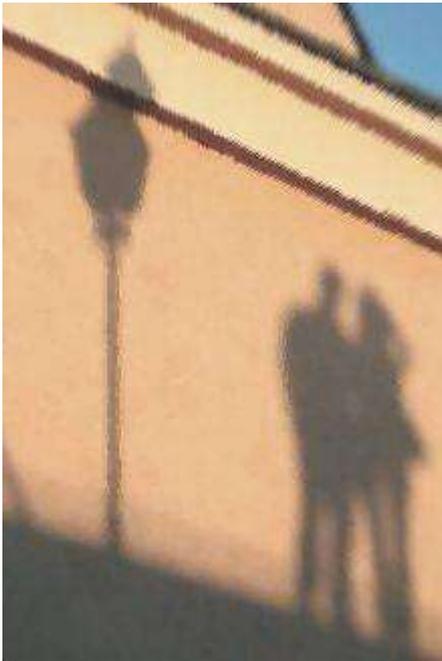
1964

* * *

На заборе висит афиша
«Я ищу тебя».
Это о том, что меня кто-то ищет,
Все заборы твердят.

Я часами у той афиши
Стою на посту.
Ты, что ищешь меня, слышишь,
Вот я, тут.
Раковина

Торопливый, ровный шум прибоя,
Раковину к уху приложив,
Слышишь ты. Чего-нибудь да стоит
Даже подражанье для души.

Синица

Ты в моих ладонях, будто птица,
Даже руки — словно два крыла.
Маленькая, звонкая синица
Хвасталась, а моря не зажгла.

Голос твой не арфа, а гармоника...
Но откуда этот трубный клич?
Острым аккуратным треугольником
В небе пролетают журавли.

Пусть они летят себе, красивые,
В теплые далекие края.
Хорошо их пение призывное,
Только ты в ладонях у меня.

Монолог Галилея

...И пусть меня сожгут, как Галилея!
(Из стихов начинающего поэта)

А все таки Земля стоит на месте!
На трех китах, киты на черепахе,

А черепаха... Эта черепаха
На ваших спинах, олухи, стоит.

Неправда, будто вам нужны герои,
Вы травите живых, вам нужен труп.
Огромною и жадною толпою
Вы побежите к моему костру.

Вы будете скрывать свое веселье,
Стонать в тавернах: Галилей сожжен!
И распалаясь увиденным, в постели
С особенным усильем тискать жен.

Но этого не будет, я умней,
Вам не увидеть моего сожженья.
Кричите, что проданся Галилей.
Есть вещи поважнее ваших денег.

Я буду жить! Наперекор всему!
Смотреть на солнце, улыбаться детям,
Подмигивать портрету своему
И слушать птичье пенье на рассвете.

Как это важно — чувствовать и знать,
Что луг (могу лицом зарыться в травы),
Цветок (могу его поцеловать).
Есть вещи поважнее вашей правды.

* * *

Природа не выносит пустоты.
Вода в насосе тянется за поршнем,
И даже в кинофильме, даже в прошлом,
Какие-то стремленья и мечты.

И никому еще не удалось
Пройти бесследно, избежать поступков.
Пустое сердце заполняет злость,
Чужие мысли — голову пустую.

В пустых глазах смертельная тоска,
В пустых руках обида и проклятье.
Пустыню моря вспарывает катер,
В пустыне — море серого песка.
Юрюзань

Есть такая речка Юрюзань.
У нее глаза, как бирюза.
А над речкой горький запах трав.
А на речке город Усть-катав.
В городе домишек чинный ряд,
Очень древних — люди говорят.
Церковь — перезвон стоит с утра,
Люди говорят — времен Петра.
Будочка с окошком у ворот —
Масло- или молокозавод.
В небе облака легки-легки,
И зеленый скверик у реки.
А вода под солнцем — словно сталь.
С удочками мальчик у моста...
Речка, речка, речка Юрюзань,
У тебя глаза, как бирюза.

Футбол

Г.И. Кипнису

От знакомых, скучных и ненужных,
Лестно слышать, что сошел с ума,
Что семьей пожертвуешь и службой,
Чтобы посмотреть футбольный матч.

А потом, в троллейбусе набитом,
Где места — нечаянный сюрприз,
Ехать, наслаждаясь каждым мигом,
В сказочно-заманчивую жизнь.

Где плевать на прибыль и на убыль,
Где страстей трепещут паруса.
Этой жизнью можно жить за рубль
Два академических часа.

* * *

Петр, шагая по дороге,
Ключ нашел большой, тяжелый.
И, угрюмый, одинокий,
Бродит он теперь по селам.

Словно призрак, сух и бледен,
Смотрит на чужие двери,

И, мечтая об обеде,
Ищет дом к ключу теперь он.

Степан Разин

Промелькнули ночи летние,
Друг за другом торопясь.
Эта ночь — твоя последняя.
Утром казнь.

Церковь брызнет позолотою,
Вспыхнут стекла в терему.
Отведут на место лобное,
И — конец всему.

Жизнь прожита, спета песенка,
Шевельнешься — звон цепей.
Такой далекой кажется Персия
И та княжна персидских кровей.

II

Чья-то тень скользит по стеночке
К неширокому окну.
— Вот и свиделись мы, Стенюшка,
Не узнал свою княжну?

— Заперта моя темница,
Сгинь, лукавый!
— Погоди.
Смыло волжскую водицею
Синяки с моей груди.

После страшной брачи ночи той
И заутрени хмельной,

Стала Волга моей вотчиной,
Моей синею тюрьмой.

Не умчаться и не вырваться,
Надо мной бегут года,
Ну а мне всего четырнадцать,
Как и прежде, как тогда.
Я кричала: помогите!
Маму я звала...
Завтра утром ты увидишь,
Что велик аллах,

Что палач в рубашку прячет
Пару черных крыл,
И поймешь, что не палач он —
Ангел Джебраил.

Ты пойдешь, но сил не хватит
на последний шаг.
И персидские проклятья
Зазвучат в ушах.

III

Утро скрашено было казнью,
А день медленно отгремел.
Дьяк из Пытошного Приказа
Рассказывает куме:

— Что ж, Степан не моргнул, не ойкнул,
Лег на плаху, и нет как нет.
А еще трезвонят бабы-сороки
О какой-то персидской княжне.

Степан нагребил в Персии денег
И всяческого добра
И в одном персидском селении
Нищенку подобрал.

Ватага тешилась с персиянкой,
Да вот по пути назад
Столкнули в воду ее по пьянке
И не смогли достать.

То ли сразу она потопла,
То ли вода была холодна...
А у баб языки, что метлы,
Как бы не так, княжна.

* * *

О панно Інно, панно Інно.
Я сам, вікно, сніги.

П.Г. Тичина

Луна позолотила иней,
Налипший на моем окне.
Красивое девичье имя
Звучало в тишине.

И было имя необычным,
И долетало, словно стих,
Сквозь стук ирпенской электрички,
Сквозь смех товарищей моих.

И три протяжных, чистых звука
В меня бросала мгла.

Она, должно быть, нянчит внуков.
А, может, умерла.

Но тосковал о ней Тычина
И вспоминал, и постигал.
О Инна, дорогая Инна.
Я здесь один. Снега.

* * *

По южному городу (нет, это запах),
По южному городу (нет, юго-запад),
Столичному городу (разве в столице
Листаются годы, как будто страницы?)

Асфальт под подошвами медленно тает,
И день улетает, и ночь улетает.
Лишь вечером след мой в асфальте застынет
И станет глубоким, прозрачным и синим.

А милая сделает слепок из гипса
И спрячет в комод, чтобы он сохранился.
Мой след никогда не исчезнет, а это
Большая удача и честь для поэта.

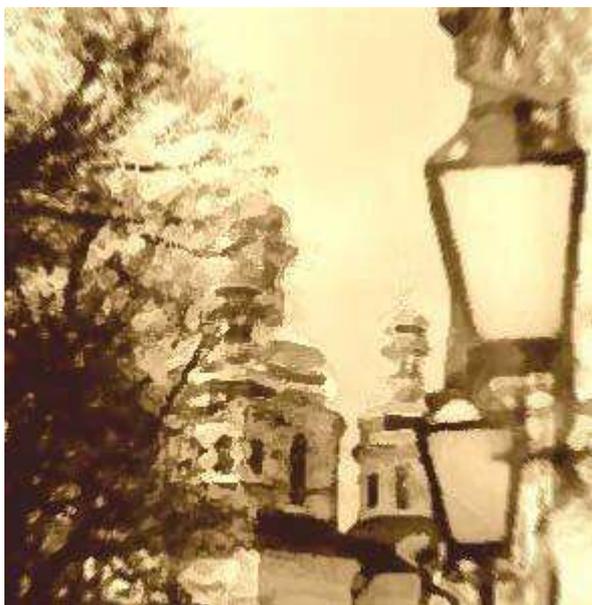
* * *

У голубей от голода
Пропала гордость.
Хоть их руками голыми
Хватай за горло.

И мы к земле привязаны
При всей при нашей удали
Питанием трехразовым
Куда сильнее, чем думали.

Остракизм

Казалось — он увековечен в камне,
Алмазной гранью — гипса скорлупа.
Теперь одна задача — черепками
Наследников его по черепам.

Сыщут холмик во ржи
И вернутся с подробным ответом:
Он родился и жил
Во второй половине двадцатого века.

* * *

Я плачу
откровенностью за откровенность.
Я живу
Во второй половине двадцатого века.

Это время с трудом
Прогрызалось, росло, пробивалось.
Это время — мой дом.
Моя крепость. Почтовый мой адрес.

Просто несколько слов
На щеке голубого конверта:
Леонид Киселев
Из второй половины двадцатого века.
Август лужицы вытер,
На асфальте валяются первые листья.
Ах, какой яркий свитер
На этом мотоциклисте!

А девчонка умело
Сигарету сосет и лицо подставляет под ветер.
Вот и повесть о нашем Ромео
И о нашей Джульетте.
Два столетия спустя
Пыль стряхнут с моих строк неприметных
И узнать захотят
О судьбе и о жизни поэта.

Для чего он лез в драку?
Что пророчил, о чем он торочил?
Но не станет Ираклий
Собирать дневников моих ключья.

* * *

Я любил когда-то большие числа:
Миллионы, квадриллионы,
Знал, что такое миллиард
В европейском значении этого слова,
В нашем русском значении этого слова.
А еще я любил световые годы
Переводить в километры, метры
И подсчитывать, сколько нужно спичек,
Чтобы до Сириуса достать.
А потом полюбил я малые числа,
Очень многое знал я о малых числах:
Объем молекулы водорода,
Длину берцовой кости клопа,
Сколько микробов в одном микроне

И что такое миллимикрон.
А потом полюбил я простые числа:
Вот живет человек, и он одинокий,
Потом женился, их стало двое,
А после дети у них пошли.
Один ребенок, второй ребенок,
И теща приехала жить к нему.
И он подсчитывает зарплату:
Сколько нужно котлет к обеду,
Сколько купить билетов в кино.
Это и есть простые числа,
И пока они в пределах десятка,
Можно им доверять вполне.

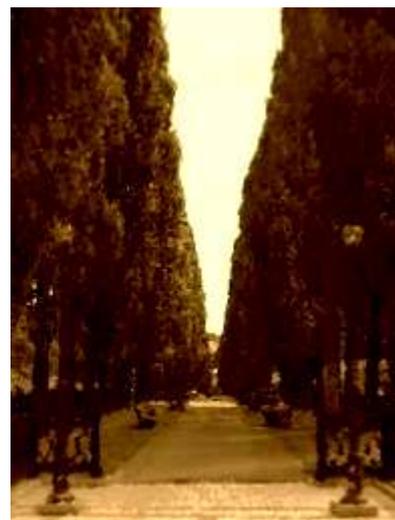
1968

* * *

Колихайтесь, тераси дерев...

П.Г. Тичина

На терасах дерев тільки вітер, вітер, вітер
У прозорих пазурах листя дере.
Чорнопері круки, як химернії квіти,
На терасах дерев,
На терезах дерев.

На терезах дерев всі чесноти космічного віку,
Всі принади невгавного руху вперед,
А поети — як вихор, поети — як вітер, як вітер
На терасах дерев,
На терезах дерев.

* * *

І мати молода, і сонце юне,
І в неї на колінах немовля.
В прозорому повітрі, наче струни,
Гудіння оксамитного джмеля.

Прислухаюсь — співає колискову,
Не знати, чи дитині, чи собі...
І мати молода, і юне Слово,
І яблуні у ранішній журбі.

Розумні і дурні, малі й великі,
Уславлені й забуті — все пройшло,
Та не було народів без'язиких,
Іще німих народів не було!

* * *

Згадаєш їжака, що я приніс,
І як вночі він бігав по кімнаті.
А вже роки убогі і багаті,
Як сніг січневий, промайнуть навкіс.

Забудь ім'я, і голос, і слова,
Лише згадай, що серпень був, як вершник.
Заносилось на дощ. Дивак і віршник
Прийшов вночі і руки цілував...

А інший хтось цей аркуш відшука,
І в нім, далекім, блисне, наче спалах,
Моя любов до жінки, що не спала
І хлібом годувала їжака.

* * *

Тільки двічі живемо.
Раз — у світі білім-білім.
Тож сумуємо і квилим,
Як до іншого йдемо.

А тоді ще в другий раз,
В світі чорнім — аж червонім.
Чорнозем ламає скроні,
І трава росте крізь нас.

Тільки двічі живемо.
Дай нам, Боже, щоб любили
І щоб люди не раділи,
Як у чорний світ йдемо.

Завтра буде світ такий, як завше, —
Білий, жовтий, трохи вороний.
І зависне небо, наче зашморг,
Як і має бути восени.

Сон, мов смерть, настигне на світанку.
І незваний день в останню мить
Забере тебе, як полонянку,
Як у пісні — конями умчить.

* * *

Ти полинеш сиза, наче птах.
Твій полинний присмак вабить серце.
Ти по липню вибіжиш у серпень,
мов по линві, бгаючи мій страх.

Питиму розлуку, як вино.
І колись, блідим зимовим ранком,
Чорний птах. сумний, немов прочанка,
Тихо сяде на моє вікно.

Ніч у Харкові

Хмари повстяні, немов кирея,
На дахи лягли, на димарі.
Ніч, і дощ, і вулиця — над нею
В далечінь простують ліхтарі.

Ніч страшна, як перша ніч потопу.
В темнім небі чорні корогви,
Ґотика слов'янської Європи,
Празькі замки, краківські церкви.

В темнім небі, наче на театрі,
Сунуть із безодні, із глибин
Обриси Карпат, Високі Татри,
Чеські села, київські горби.

І до ранку в темряві, в пустелі,
В атомовім сяйві блискавиць
Молиться сусідка із готелю
Сива католичка з Катовиць.

Борони солдатів, мати божа,
Всі ж бо кривні, всі вони сини.
Від докорів і від куль ворожих,
І вночі від марень борони!

* * *

Така золота, що нема зупину.
Така буйна — нема вороття.
В останніх коників, що завтра загинуть.
Вчуса ставленню до життя.